

Суровый практик Наталья Мурадова

Ты показала мне без слов,
Как вышел хороша и чисто
Тобю проведённый шов
По краю белого батиста.
А я подумал: жизнь моя,
Как нить за Божьими перстами
По легкой жизни бытия
Бежит такими же нитями.
Перевёрнул я, дорогая,
то в смёрть стежок,
улыбаясь, твой платок

работу и начинаю делать другую, потому что простой невозможен. И вдруг – во второй и в третьей нахожу какой-то ход для первой работы, появляется идея. Только практическим путём! А вся эта теория у меня ни к чему хорошему не ведёт.

«Жизнь несовершенна! Но она и прекрасна. В ней есть всё, и нам дан выбор, несмотря на все трудности, связанные с постоянными и неизбежными переменами, выбирать лучшее и ценнейшее в ней. Надо, конечно, думать и размышлять, так устроен человек, но необходимо почаще поднимать глаза к небу, звёздам, луне и солнцу, стремиться от частного к общему, от низкого к высокому, от мелкого к вечному».

*Из книги Натальи Мурадовой
«Лоскуты разорванного времени
и живописные заплатки чувств»,
2023 (2-е переиздание)*

Сначала, при знакомстве, меня покорила внешняя образ самой Натальи. Я поняла, что эта стильная леди – совершенно особенная личность. Так и оказалось. В фойе самарского оперного театра мне посчастливилось быть представленной академику Российской академии художеств, народному художнику РФ Наталье Мурадовой. А когда мы приехали в галерею «Новое пространство» на её выставку, я уже была покорена и совершенно выдающимися работами признанного мастера текстиля. Поражённая мастерством художника и масштабами произведений искусства, я, конечно, спросила, как долго идёт работа над каждым из таких шедевров?

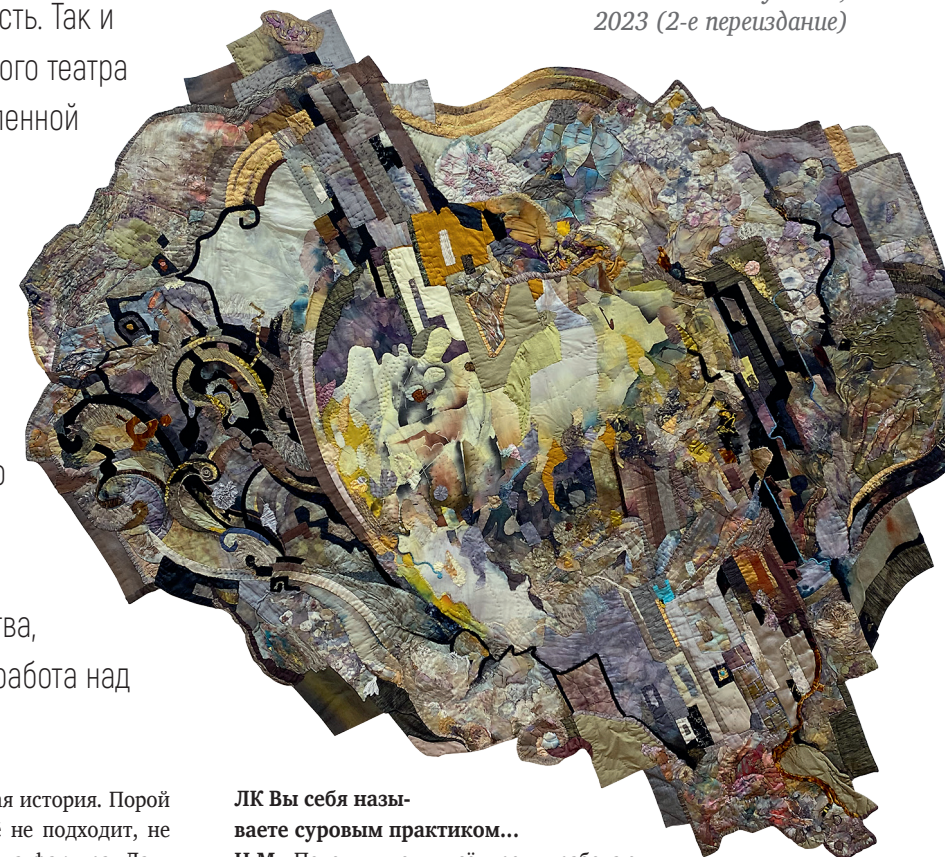
Наталья Мурадова Да, это действительно долгая история. Порой посмотрел на работу и понял – всё не так, всё не подходит, не легло, образ не складывается, цвет не тот, иногда фактура. Да и невозможно полгода прожить на одной эмоции, хочется что-то поменять, добавить...

ЛК Получается, что работая длительно над каждым произведением, вы вкладываете в него много эмоций, целый калейдоскоп?

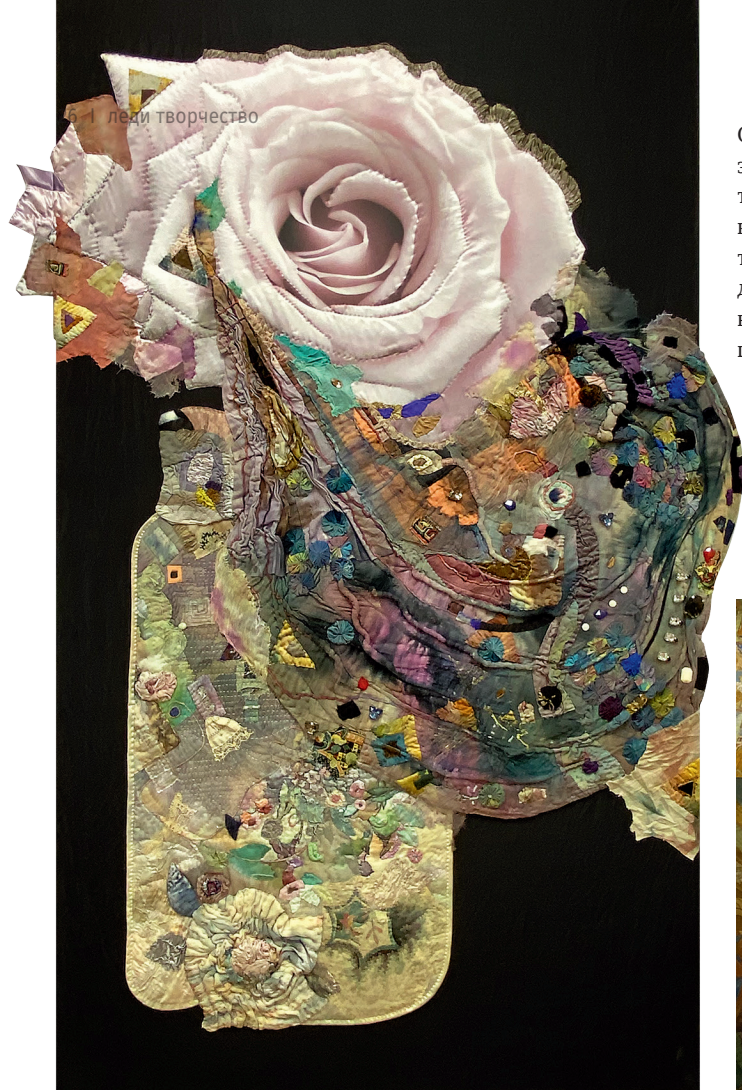
Н.М. Совершенно верно. Более того, настроение каждого дня: ниточка за ниточкой, иголочка за иголочкой... Иногда полгода, может быть и год. Если я чувствую, что не получается – я бросаю эту

ЛК Вы себя называете суровым практиком...

Н.М. Потому что я всё время работаю. Всю жизнь, без перерывов. В 1971 году я закончила московский Текстильный институт, два года назад отмечала 50-летие своей творческой деятельности. Сначала совсем не задумывалась, почему выбрала текстиль, это просто была моя работа. Сейчас – выставки, какие-то мероприятия, а тогда это было оформление интерьеров, конкретные заказы, эскизы, сложные, большие задачи, которые надо было решать (кстати, были работы и для Самары, я расписывала занавесы для заводов «Прогресс» и «Металлург»). Я задумалась только теперь, когда,

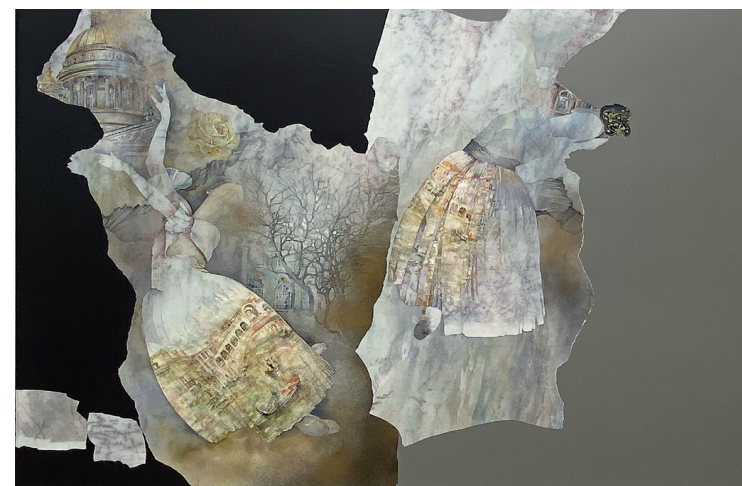

БЕСЕДОВАЛА Юлия Галочкина ФОТО Юлия Галочкина

1 | Леги творчества

Они очень сильно подняли уровень. Я застала замечательные годы этих стран, которые тогда отличались друг от друга. Через какое-то время всё сравнялось, соединилось, произошла глобализация, которая упорно всех нивелировала под один общий стандарт. А в те годы, да, конечно, это была не просто другая страна, это было другое время, когда как будто бы на машине времени перенеслась в другое пространство. Это кружило голову. Тем более, я там нашла необыкновенный приём, совершенно замечательных друзей. Расскажу такую историю. В перестройку у меня были очень интересные встречи в Москве. Приехала группа текстильщиков из Америки с выставкой. После они зашли ко мне в мастерскую, на посиделки, на шампанское. Они были впечатлены приёмом, мастерской, работами, которые были вокруг, расспрашивали. А уходя, сказали: «Наташа, возьми, пожалуйста, ключ, потому что, если ты окажешься в Америке вдруг, мало ли, в Нью-Йорке,

и тебе некуда будет пойти, не на лавочке же тебе ночевать. Приходишь, открываешь ключом – и дом твой».

ЛК Как мило!

Н.М. Это необыкновенно, это потрясающе! Мы потом прожили с ними огромную совместную жизнь. Мы таки приехали, это был район Сохо, 23 этаж небоскрёба, из которого открывался потрясающий вид на Манхэттен, где и происходили все художнические дела, где на улицах постоянно встречаешь всех творческих звёзд.

ЛК Вы мне как-то намекнули, что у вас была возможность остаться в Америке, но вы выбрали Родину.

Н.М. Я 20 лет туда ездила, прожила долгие месяцы и даже годы там, путешествовала, много увидела, много работала, провела

глядя назад, мне самой стало интересно: как это случилось и получилось? Докопаться трудно, потому что до сих пор считаю, что материал слишком мягкий, слишком податливый, трудно поддаётся формированию из него чего-то более определённого, чем он сам. Он тянет к быту, к жизни, потому что окружает нас повсюду. Причём, это вещи самые простые: одежда, полотенца, портьеры, ковры — всего очень много, мы даже перестали замечать, насколько плотно нас окружает этот материал. И создать из него что-то более высокое, серьёзное, значимое, а тем более философское — крайне сложно. Знаете, как ни странно, столько лет прошло, но это лишь третья моя персональная выставка. Да, было много выставок за рубежом, но я их не считаю важными, хотя и там были интересные моменты.

ЛК Вы говорили, что у вас было две жизни – американская и российская.

Н.М. Да, у меня 20 лет была грин-карта, там были выставки, очень интересное общение. За рубеж я впервые попала в перестройку, уже совершенно взрослым человеком. И потом всегда говорила о том, что вот когда стали детей всюду посылать, за собой по границам возить, это, конечно, было приятно, но нельзя сравнить с тем, когда взрослый человек, изучавший жизнь по книгам, по произведениям искусства, приезжает в другую страну. То, что ты видишь там, со своей образовательной базой, фоном всей твоей жизни, даёт тебе такой кругозор колоссальный, столько деталей, подробностей, разных мыслей! Я очень много вынесла из этого, всё меня поражало, потому что тогда выглядело как передовой край культуры, архитектурных и художественных достижений, подъём галерейного движения. Этому очень способствовала волна русских художников, которая там и создала мощный культурный слой.

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

выставки. Но в 1993 году из России прилетел влюблённый в меня художник, и я была влюблена в него, полетела с ним, потому что он привёз мне заказ из Третьяковской галереи. Он меня спросил: «Тебе предложили в Конгрессе США работать?» Я говорю: «Нет, не предложили». «А Третьяковка, — говорит, — предлагает». Там, кстати, до сих пор висят три моих гобелена. И мы собрались и улетели. А потом был Кремль, был Верховный суд Российской Федерации. Так мы проработали 10 лет. Затем мой младший сын уехал в Японию. Летать в Японию и Америку, две разные стороны света, стало просто невозможно. Я закрыла программу. И сейчас могу сказать (это я вам говорю не потому что мы сидим за хорошим приятным столом в чудной тёплой Самаре, у меня написано это в книге), что я безумно счастлива, что я дома, на Родине, в своей семье, в своей стране. Да и той Америки уже нет, теперь она совсем другая. А оставаться-то я хотела в той. Но это судьба.

ЛК Мы, самарцы, весьма польщены, что у нас состоялась ваша персональная выставка, одна из очень немногих.

Н.М. Выставки – это ведь не моя стезя. Я ими занимаюсь, ну, может быть, последние 12 лет. До этого всю жизнь работала на заказ, была занята на больших общественных крупных значимых объектах. Но тогда была совсем другая система отношений художника с государством, была система госпроектов, система комбинатов, поэтому когда поступали какие-то предложения, то знали, кого пригласить, архитектор приглашал и предлагал работать с тем, кого знал, кто в его команде. Мы делали всё единым комплексом. Ходили на стройку, когда там была ещё грязь и свалка, но уже были видны объёмы, мы смотрели и думали, что там делать и чего не делать. Как будут висеть люстры, какого они должны быть масштаба, какого размера будут гобелены или это будут росписи... Я полностью была погло-

щена этой работой. Поэтому в других областях не чувствую себя сильной. Но не работать я никогда не могла и, оставшись без заказов, занялась выставками.

ЛК А кто может быть вашим заказчиком сегодня?

Н.М. Ну, например, у меня для коттеджа купили несколько работ (я умею вписаться в интерьер, делаю привязку к месту), но это не есть возможность существовать, содержать мастерскую. По сути мои работы – музейные вещи. По масштабу, по сущности. Это не совсем потребляемо в жилье или частном интерьере. Кафе и рестораны когда-то, кстати, заказывали. Но сейчас другая тенденция. Всё началось с перестройки, когда все производители (камень, стекло, ювелирка), решили обойтись без художника. Это был способ уменьшить расходы. Вот первые, кто провалился тогда – именно художники. Рынок наводнился отвратительными, безвкусными, жуткими вещами, просто откровенным бараклом, которое воспитывало ужасный вкус. И художники потеряли заказчика.

ЛК Как обстоят дела в настоящем времени?

Н.М. Когда наступили сложные времена пандемии, у меня вдруг начался период везения. В Масленицу меня пригласил друг на блины с икрой, и я там встретилась с людьми, представителями одного из фондов, которые мною заинтересовались, они знали мои интерьерные работы, монументальные, большие. И сразу же решили сделать интервью со мной. Я пришла, мы записали, и я благодарна за то, что они поработали, выставили в интернет и это всё-таки зазвучало. А в конце интервью мне заказали парочку работ: акварель и одну из работ, которая висит здесь, в Самаре. Кстати, хочу сказать, что Самара мне оказала очень тёплый приём, я полюбила ваш город и очень надеюсь сюда ещё вернуться.